

Анна Шилд
Ада Огнева



ПАРИ НА МАЖОРА

Ада Огнева

Пари на мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Пари на мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Ландшафтный архитектор Инна готова встать под ковш экскаватора, чтобы спасти старый сад на берегу Москвы-реки. Кирилл Воронов привык получать участки, подписи и людей одним звонком. Их первая встреча заканчивается угрозами и грязью, а в элитном клубе появляется пари, превращающее упрямую защитницу сада в чужую цель. Инна не намерена уступать ни метра. Кирилл уверен, что найдёт к ней подход. Но чем ближе они оказываются друг к другу, тем сложнее защищать прежние позиции. И вскоре вопрос будет уже не только в том, кому достанется земля.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Шилд

Пари на мажора

ПАРИ НА МАЖОРА

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Инна

Сырой утренний туман висел над излучиной Москвы-реки тяжелым белесым пологом, прижимая к земле терпкий дух прелых листьев, речного ила и горьковатой древесной коры.

Я стояла на крутом береговом склоне, по щиколотку утопая в рыхлом мокром суглинке, и бережно проводила ладонью в грубой замшевой перчатке по узловатому стволу столетней антоновки. Кора под пальцами была шершавой, глубоко бороздчатой, покрытой бархатистыми бляшками серебристого лишайника. Сквозь плотную замшу пробивался застарелый холод живого дерева. Оно не сдавалось осенним заморозкам, продолжая терпеливо удерживать своими корнями огромный пласт береговой земли.

На искривленных узловатых сучьях, похожих на жилистые руки бывшего кузнеца, до сих пор висели последние яблоки. Крупные, восковые, с зеленовато-желтыми боками и темными морозными крапинками, они источали густой винный аромат с нотками дикого меда. Я сорвала одно яблоко, стерла рукавом тонкий налет инея и надкусила. Холодная сочная мякоть хрустнула на зубах, обожгла десны чистой кислотой и сладким послевкусием. В этом простом вкусе жила память целого столетия, когда на этих кручах цвели купеческие сады, а по реке ходили баржи с зерном.

— Инна Андреевна, гляньте сюда, пожалуйста, — раздался снизу глуховатый голос Дениса.

Мой единственный помощник, студент четвертого курса Тимирязевской академии, опустился у подножия террасы на одно колено прямо в рыжую жижу. В руках он держал тяжелый латунный трубчатый бур для послойного отбора почвенных проб. Рыжий вихор парня выбился из-под вязаной шапки, кончик носа посинел от промозглого речного ветра, а пальцы в обрезанных перчатках подрагивали от холода.

— Что там показал горизонт, Ден? — я легко спрыгнула с травянистого уступа, нащупав в кармане куртки знакомую рифленую рукоять японского кованого секатора.

— Горизонт тяжелейший, чистая жирная глина, но микориза просто феноменальная, — Денис протянул мне извлеченный керн грунта на деревянном желобе. — Посмотрите на эту сетку. Тончайшие белые нити симбиотической грибницы прошли весь пласт на глубине сорока сантиметров. Корневая система антоновок связала склон в единый живой монолит. Если эти корни выкорчевать, первый же затяжной осенний ливень превратит суглинок в жидкий кисель и смоев верхнюю бровку прямо в реку.

— Разумеется, смоев, — я растерла щепоть черной влажной земли между пальцами, жадно вдохнув ее плотный, насыщенный гумусом дух. — Это старый усадебный сад позапрошлого века. Здесь три поколения садоводов формировали террасы и сложнейшую систему отвода талых вод. Каждая антоновка здесь работает как мощная природная гидротехническая станция, откачивая за сезон десятки тонн грунтовых вод. Но в городском департаменте сидят кабинетные чиновники, которые видят только кадастровые границы и миллионную прибыль от продажи элитных квадратных метров. Они совершенно не понимают, как дышит живая земля.

Я разогнула затекшую спину и окинула взглядом зеленый клин, чудом уцелевший посреди грохочущего столичного мегаполиса.

Сзади, за кривым забором из помятого профнастила, уже вздымались циклопические серые скелеты высотных комплексов с панорамным остеклением. Бетон наступал со всех сторон, безжалостно закатывая плодородную почву в серый асфальт и холодные гранитные плиты. А здесь, на узкой речной террасе, еще шумели три десятка вековых яблонь, несколько кряжистых вязов и густые заросли дикой черной смородины. Для девелоперов это была всего лишь

сорная растительность, подлежащая немедленному уничтожению по акту расчистки строительного пятна. Для меня — бесценный природный щит, державший склон намертво.

— Мы успеем зарегистрировать паспорт историко-экологического памятника? — с тревогой спросил Денис, бережно упаковывая образец керна в пластиковую капсулу. — Слушания в Общественной палате назначены только на следующий четверг.

— Обязаны успеть, — твердо ответила я, застегивая воротник плотной штормовой куртки. — Академик Левин обещал лично завизировать заключение по гидрогеологии. Ни одна строительная контора не имеет права начинать земляные работы без утвержденной оценки воздействия на окружающую среду. Закон на нашей стороне.

Но закончить фразу мне не удалось.

Тишину туманного утра разорвал оглушительный, утробный металлический треск. Со стороны технологического въезда с грохотом рухнула двухметровая секция жестяного забора. Раздался протяжный вой дизельного двигателя, работающего на пределе мощности, и тяжелый гусеничный лязг заставил задрожать мокрую почву под моими ногами.

Сквозь проломленный забор, подминая под себя заросли бузины и поднимая клубы черной солярочной гари, на склон вполз исполинский тридцатитонный гусеничный экскаватор.

Его массивный ярко-желтый стальной корпус был густо заляпан засохшей глиной. Широкие ребристые траки с влажным хрустом крошили вековой дерн, выворачивая наружу комья черной земли и перемалывая обнаженные корни. Следом за стальным чудовищем в проем тяжело втянулись два трехосных самосвала с наращенными бортами и бульдозер с широким ножом.

— Эй! Стойте! Что вы творите! — истошно закричал Денис, размахивая своей полевой сумкой.

Его крик мгновенно захлебнулся в реве турбированного мотора. Стрела экскаватора со свистом гидравлики взмыла вверх. Огромный стальной ковш с четырьмя литыми клыками качнулся над террасой и нацелился прямо в крону той самой антоновки, чьи яблоки я пробовала пару минут назад.

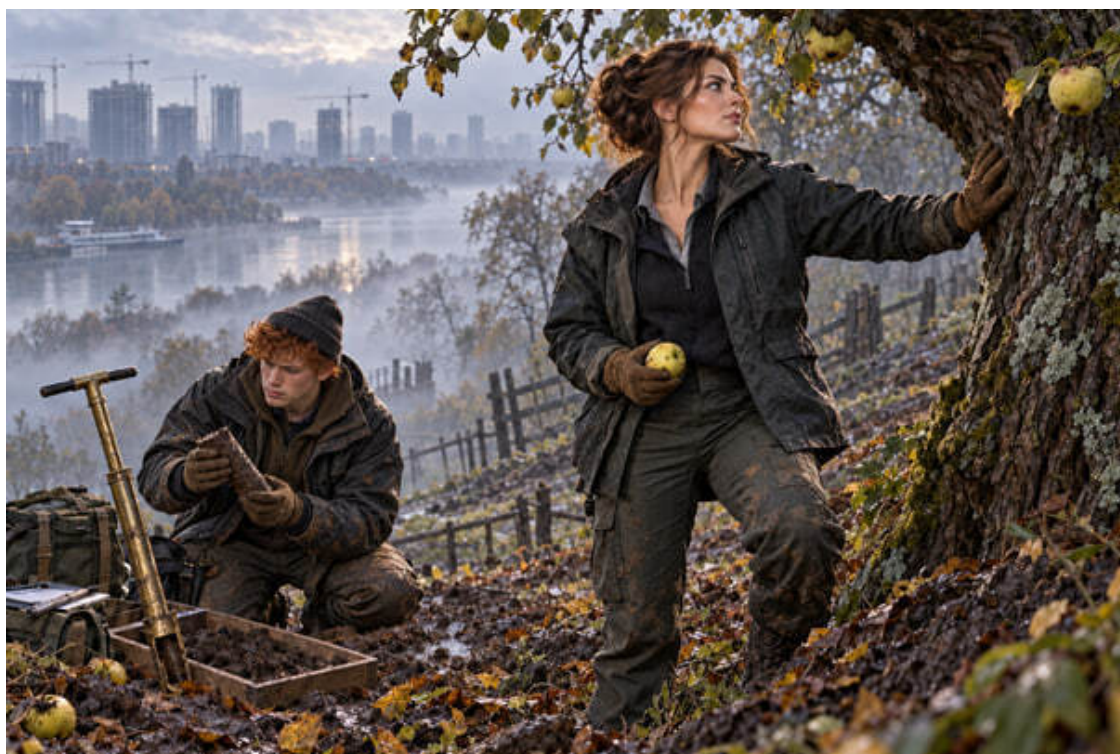
Из кабины головного грузовика выскочил коренастый мужчина в засаленном оранжевом жилете поверх плотного ватника. Сбив на затылок исцарапанную пластиковую каску, он судорожно орал в трещащую рацию, размахивая свернутыми в трубку строительными чертежами.

— Михалыч, бери левее по бровке! Срезай все под корень, нечего тут миндальничать! Через сорок минут придут буровые установки для свайного поля, площадка должна блестеть как медный таз!

— Заглуши двигатель! — выкрикнула я, бросаясь вперед по раскисшему склону.

Мои ноги вязли в глине, тяжелые рабочие ботинки с трудом вырывались из липких объятий грунта, но я не замечала препятствий. Денис попытался схватить меня за рукав, испуганно крича что-то о технике безопасности и штрафах, но я стряхнула его руку одним резким движением и взлетела на гребень земляной насыпи прямо перед деревом.

Ковш экскаватора пошел вниз с глухим металлическим воем. Зубья находились всего в двух метрах от хрупких ветвей.



Я встала прямо на линии удара, вскинув руки ладонями вперед и глядя в мутное лобовое стекло кабины.

Машинист заметил меня в последний момент. На его лице отразился дикий ужас. Он судорожно рванул на себя рычаги управления, навалившись всем весом на педаль аварийного тормоза. Гидравлические магистрали взвыли от запредельного давления, выхлопная труба плюнула снопом черной копоти. Тяжелая машина со скрежетом клюнула носом, траки юзом пропахали мокрую колею, и массивный зазубренный ковш с оглушительным грохотом рухнул в насыпь ровно в одном метре от носков моих ботинок.

Воздушная волна ударила мне в лицо, осыпав мелким гравием и комьями полужидкой грязи. Жирный суглинок густо заляпал мои щеки, лоб и брезентовую куртку. Я даже не вздрогнула.

— Совсем из ума выжила, ненормальная? — взвыл подбежавший прораб, брызгая слюной из-под прокуренных рыжих усов. — Ты кого под стрелу подставляешь? Михалыч, вырубай шарманку! Слезай с насыпи, потаскушка, пока я тебя за шкуру в канаву не спустил!

— Попробуй только тронуть меня пальцем. — Я стерла грязь со щеки и показала на телефон Дениса; тот уже снимал прораба. Заметив направленный на него объектив, прораб остановился. — Я старший научный сотрудник сектора мониторинга Ботанического сада Инна Воропаева. Покажи мне порубочный билет на особо ценные насаждения в водоохранной полосе реки. Покажи подпись главного природоохранного инспектора округа.

— Какой еще билет? Ты бредишь, что ли? — прораб побагровел, наступая на насыпь. — У нас градостроительный план утвержден правительством Москвы! Заказчик — холдинг Северный Монолит! Мы здесь закладываем фундамент жилого комплекса на шесть башен! Все эти трухлявые коряги идут под расчистку по официальному акту освоения пятна застройки! Мужики, скрутите ее и вышвырните за забор!

Двое рабочих в перепачканных робах неуверенно переглянулись и сделали шаг ко мне, сжимая в руках черенки лопат. Но встретив мой прямой, немигающий взгляд, они замялись. В правой руке я крепко сжимала кованый секатор, и в моих глазах читалась готовность драться за каждое дерево до последнего патрона.

— Предупреждаю под протокол, — громко объявила я, повышая голос так, чтобы слышали все присутствующие. — Этот склон удерживается исключительно якорными корнями антоновок. Срежете дерн — и через трое суток напорные пласты превратят этот склон в оползень. Ваши сваи поплывут на дно реки вместе со всеми вашими шестью башнями.

— Слышь, ученая, ты мне зубы не заговаривай! — прораб выхватил у рабочего лопату и взмахнул ею, собираясь прогнать меня силой. — Я тут хозяин стройки!

Глава 2

Но в этот момент тишину над набережной прорезал глубокий, низкий и породистый звук автомобильного сигнала.

По временным железобетонным плитам, плавно огибая рытвины и глубокие лужи, медленно катил длинный угольно-черный представительский седан немецкой марки.

Его зеркально отполированный лак отражал хмурое осеннее небо с безукоризненной четкостью, словно автомобиль парил над грязной строительной площадкой в собственной невидимой капсуле. Следом за ним, поднимая колесами мокрый гравий, двигался тяжелый рамный внедорожник охраны.

Кортеж плавно замер у самой кромки перепаханной гусеницами глины.

Дверь внедорожника распахнулась мгновенно. Из нее выскочил подтянутый начальник личной безопасности в черной непромокаемой куртке, быстро окинул площадку цепким профессиональным взглядом и подбежал к задней пассажирской двери седана, почтительно потянув полированную ручку.

На мокрую строительную доску ступила нога в безупречном черном оксфорде из тончайшей телячьей кожи, начищенной до глубокого хрустального блеска. Ни единой пылинки, ни малейшего намека на уличную слякоть.

Из салона вышел мужчина.

Его появление посреди строительного месива казалось оптической иллюзией. Высокий, подтянутый, с широкими плечами атлета и породистым хищным профилем, он двигался с той абсолютной, небрежной уверенностью, какая бывает только у наследных хозяев огромных корпоративных империй. На нем было надето длинное темно-серое пальто из тяжелого кашемира идеального анатомического кроя, распахнутое настежь. Под пальто виднелась ослепительно белая сорочка без галстука с жестким высоким воротом и темные шерстяные брюки с идеальными стрелками.

Каждая линия его силуэта излучала культ безупречного порядка, стерильной геометрии и высокомерного превосходства над хаосом окружающего мира.

Его лицо с высокими резкими скулами, тонким прямым носом и холодными стальными глазами выражало глубокую безразличную скуку. Темные густые волосы были аккуратно зачесаны назад. Тонкие губы застыли в бесстрастной черте. В левой руке он держал тонкую кожаную папку для документов с тиснением корпоративного знака.

Следом за боссом из седана торопливо выбрался щуплый молодой ассистент в черепаховых очках, судорожно прижимавший к груди планшет в кожаном чехле и с ужасом смотревший на чавкающую под ногами жижу.



Это был Кирилл Андреевич Воронов. Владелец и генеральный директор корпорации Северный Монолит. Человек, чьи железобетонные гиганты из стекла и металла методично стирали с лица города старые парки, скверы и исторические кварталы. Педант до мозга костей, возводивший холодный минимализм в абсолютную религию и презиравший любую живую органику, которую нельзя было подчинить лазерному нивелиру.

Воронов сделал два неторопливых шага по доскам настила, обошел лужу с радужными разводами бензина и остановился, слегка приподняв подбородок.

— Савельич, — произнес он.

Его голос звучал негромко, без малейшей хрипоты или раздражения. Но в этом глубоком вибрирующем баритоне звенела такая ледяная тяжесть, что прораб мгновенно сдернул с головы каску, согнулся в пояснице и торопливо засеменил навстречу руководству, виновато комкая в руках свои чертежи.

— Здравия желаем, Кирилл Андреевич! — выпалил он подобострастно. — Мы тут это... заминка вышла небольшая с графиком. Зеленые на площадку прорвались, устроили цирк под ковшом.

Воронов даже не повернул головы к прорабу. Его взгляд медленно скользнул по застывшей стреле экскаватора, затем по развороченной колее и, наконец, остановился на мне.

Он оглядел мои заляпанные мокрой землей сапоги, свободные штаны цвета хаки, испачканную глиной куртку и выбившиеся из-под вязаной шапки пряди волос. Его взгляд задержался на черной полосе ила на моей щеке. В глазах девелопера не отразилось злости. Там было лишь ледяное изумление человека, обнаружившего на чистейшей скатерти ресторана крупного навозного жука.

Воронов слегка наклонил голову, словно изучал через увеличительное стекло диковинный биологический экспонат.

— Кто отвечает за периметр строительной площадки? — негромко поинтересовался он у начальника службы безопасности, не отрывая взгляда от моего лица. — У нас здесь закрытый промышленный объект или бесплатный приют для экзальтированных защитников сорняков?

— Сейчас наведем порядок, Кирилл Андреевич, — напрягся безопасник, делая шаг к земляной насыпи.

— Стоять на месте, — громко и четко скомандовала я, спрыгивая с насыпи на деревянный помост и вставая прямо перед девелопером.

Расстояние между нами сократилось до двух шагов. Я почувствовала тонкий, едва уловимый аромат его безумно дорогого парфюма с нотами горького грейпфрута, кедра и белого перца. Этот изысканный запах казался совершенно диким посреди тяжелого строительного смрада солярки и мокрой глины.

Воронов едва заметно поморщился, словно уловил неприятный душок.

— Девушка, — произнес он с той невыносимой снисходительностью, какой барин одаживает провинившуюся дворовую девку. — Мое время стоит слишком дорого, чтобы тратить его на любительские перформансы. Назовите номер вашей экологической организации. Моя бухгалтерия выпишет вам стандартное пожертвование на посадку петуний в спальном районе, а вы прямо сейчас покинете территорию частной собственности.

Кровь ударила мне в виски горячей волной. Внутри все вскипело, но я заставила себя улыбнуться самой ядовитой из своих профессиональных улыбок.

— Во-первых, господин застройщик, я не принимаю подачек от людей, которые путают современную урбанистику с закатыванием живой природы в бетонные саркофаги. Во-вторых, меня зовут Инна Андреевна Воропаева, я ведущий специалист по дендрологии Ботанического сада. А в-третьих, если ваша строительная техника срубит хоть одну ветку с этих столетних антоновок, ваш хваленый элитный комплекс поплывет в реку еще до того, как вы успеете залить перекрытия первого этажа.

Тонкие брови Воронова насмешливо приподнялись.

— Вы пытаетесь запугать меня грунтовыми водами? — сухо усмехнулся он. — Проект фундаментов разрабатывал ведущий научно-исследовательский институт оснований и подземных сооружений. Здесь будет забито четыреста железобетонных свай глубокого заложения. Этот берег простоят тысячу лет, закованный в гранитные набережные. А этот кривой гнилой сухостой, который вы тут защищаете с таким пафосом, давно исчерпал свой ресурс. Ему место в костре, а не на фасаде лучшего жилого комплекса столицы.

— Гнилой сухостой? — я сделала шаг вперед, и Денис за моей спиной испуганно затаил дыхание. — Этим деревьям больше ста лет. У них якорная корневая система пробилла моренные суглинки до самого известнякового монолита. Они держат сорок тысяч тонн неустойчивого грунта. Ваши геологи бурили скважины в августе, во время засухи, и в отчете пропустили напорный водоносный пласт на глубине шести метров. Срубите антоновки, снимите корневой замок — и вода под давлением превратит суглинок в текучий плавун за сорок восемь часов. Ваш монолитный фундамент просто лопнет пополам под собственным весом.

Ассистент Воронова в круглых очках за спиной шефа торопливо защелкал пальцами по экрану планшета, листая гидрогеологический отчет.

— Кирилл Андреевич... — испуганно пролепетал парень. — В дополнительной записке к разделу шесть действительно есть особая отметка о карстовых рисках и необходимости сохранения дренажного лесного массива...

Воронов медленно повернул голову к помощнику. Его ледяной взгляд был настолько выразительным, что парень поперхнулся словами, побледнел и моментально спрятал планшет за спину.

Затем девелопер снова посмотрел на меня. В глубине его серых глаз вспыхнули жесткие искры раздражения. Он явно не привык к тому, чтобы женщина в рабочей спецовке публично ломала его аргументы и указывала на инженерные проколы в присутствии подчиненных.

— Очень эмоционально, госпожа Воропаева, — процедил он сквозь зубы. — Но этот участок выкуплен моей компанией на законных торгах. И судьбу каждого дерева здесь опре-

деляю я, а не ваши поэтические фантазии о корнях и суглинках. Савельич, очистить периметр. Если гражданка продолжит мешать работе, вызывайте наряд полиции.

Прораб, обрадованный поддержкой высокого начальства, перехватил тяжелую штыковую лопату и грубо двинулся ко мне, намереваясь оттеснить меня от корней антоновки.

— А ну пошла отсюда, кому говорят! Хватит митинговать!

Он с силой вогнал штык лопаты в рыхлую земляную бровку прямо под корневой шейкой старого дерева.

— Не трогай корни, скотина! — крикнула я, резко дернув черенок на себя, чтобы вырвать инструмент из рук ретивого строителя.

Раздался чавкающий звук разрываемой земли. Черенок выскользнул из мокрых перчаток прораба. Влажный, увесистый, жирный ком черной речной глины величиной с футбольный мяч сорвался со стального лезвия, описал в воздухе короткую траекторию и с сочным, оглушительным шлепком приземлился ровно на носок правого зеркального ботинка Кирилла Воронова.

Брызги маслянистой черной жижи веером разлетелись во все стороны, густо запятнав край безупречных шерстяных брюк и оставив несмываемые серые потеки на полах его роскошного кашемирового пальто.

На строительной площадке воцарилась мертвая, леденящая тишина.

Дизель экскаватора глухо булькал на холостом ходу. Прораб отшатнулся с побелевшим лицом, растопырив пустые ладони. Телохранитель замер, судорожно сжимая кулаки. Ассистент в очках беззвучно схватился за сердце.

Кирилл Воронов медленно, с чудовищной паузой опустил взгляд вниз.

На его коллекционном оксфорде ручной работы лежал тяжелый пласт набережной грязи, от которого поднимался легкий утренний парок. Густая темная жижа медленно растекалась по полированной коже, облепляя шнуровку.

Я поставила отнятую лопату у насыпи и убрала секатор в карман. Стояла прямо перед ним, тяжело дыша. Сердце колотилось в горле, но внутри меня разливалось дикое, пьянящее торжество.

— Кажется, господин Воронов, земля категорически отказывается признавать ваше превосходство, — негромко и с наслаждением произнесла я.

Воронов медленно поднял голову. Лицо его стало белее мраморной плиты. Желваки на острых скулах напряглись до предела, а в серых глазах полыхнуло такое бешеное, свирепое пламя, что Денис за моей спиной невольно отступил на шаг.

— Вы горько пожалеете об этом, — тихо, с убийственной отчетливостью произнес девелопер. — Через сорок восемь часов эта помойка будет снесена до последнего куста. А ваша научная карьера в этом городе будет уничтожена под ноль. Обещаю вам это лично.

Глава 3

Он развернулся на каблуке, не глядя на раскисшую жижу под ногами, и широкими шагами направился к автомобилю. Охранник торопливо распахнул дверцу, седан со свистом сорвался с места, взметнув из-под колес фонтан грязных брызг, и кортеж исчез за поворотом.

Кирилл

В полночь того же дня на верхнем уровне закрытого вип-клуба Атриум, парящего над огнями ночной Москвы на высоте трехсот метров, царила атмосфера надменной роскоши и холодного цинизма.



За панорамными стеклами от пола до потолка расстился сверкающий океан столичных огней. В приглушенном полумраке зала тихо наигрывал саксофон, пахло дорогими сигарами, выдержанным коньяком и полированным эбеновым деревом. В глубоких кожаных креслах отдыхали хозяева города — девелоперы, банкиры и венчурные инвесторы, привыкшие оценивать мир исключительно в миллионах долларов.

Кирилл Воронов сидел в угловой полукруглой ложе, отгороженной от остального зала тяжелыми шторами из темного шелка.

Он уже сменил испачканную одежду на идеальный темно-синий шерстяной пиджак индивидуального пошива, белоснежную рубашку и новые итальянские туфли. Но ярость, вспыхнувшая утром на набережной, не остыла. Она тлела в нем глубоким, опасным пожаром. В холёных пальцах он медленно крутил тяжелый хрустальный бокал с редким односолодовым виски, уставившись невидящим взглядом в темную ночную панораму.

Перед ним на столе вибрировал тонкий смартфон, высвечивая срочные отчеты кризисного комитета.

Шелковая портьера мягко колыхнулась. В ложу легкой пружинистой походкой скользнул Феликс Радов.

Феликс был давним соперником Воронова еще со времен учебы в закрытом швейцарском пансионе. Наследник девелоперской династии и циничный мажор, он превратил прожигание жизни в искусство. Радов демонстративно презирал классические костюмы, щеголяя в расстегнутой на три пуговицы дизайнерской рубашке оливкового цвета, свободных брюках и с массивным спортивным хронографом из белого золота на запястье. На его красивом порочном лице играла вечная ядовитая усмешка.

— Ну здравствуй, великий покоритель природы, — с порога протянул Феликс, плюхаясь в кресло напротив и наливая себе янтарный напиток прямо из графина. — Слушай, Кира, я всегда восхищался твоей способностью делать шоу, но чтобы получить комком жирной речной глины прямо по лакированному носку на глазах у всей бригады таджиков... Это просто триумф высокого стиля!

Пальцы Воронова сдавили хрустальный бокал. Он поставил его на стол, отодвинул от себя и указал Феликсу на портьеру.

— Если ты пришел сюда упражняться в дешевом сарказме, Феликс, дверь за твоей спиной открыта.

— Да брось ты, не дуйся! — весело рассмеялся Радов, делая большой глоток виски. — Видео с камеры экскаватора посмотрела уже вся деловая Москва. Девчонка в заляпанной спецовке и со старым секатором наперевес просто раскатала генерального директора Северного Монолита в лепешку! Ты стоял там с белым воротничком и хлопал ресницами, пока она популярно объясняла тебе устройство канализации.

— Она обычная городская сумасшедшая с манией величия, — холодно процедил Кирилл. — Завтра мои юристы аннулируют статус участка, а в четверг бульдозеры закатают этот холм в асфальт вместе с ее яблонями и ее дурацкой гордостью.

— Не закатают, — лениво прищурился Феликс, доставая сигарету. — Ты разве не читал сводку надзорных органов по своему флагманскому проекту? Твой закрытый клубный поселок на Новой Риге только что опечатали. Тот самый, Хвойная ривьера, под который ты набрал кредитов на десять миллиардов.

Кирилл резко вскинул голову. Серые глаза девелопера превратились в две узкие ледяные щели.

— О чем ты говоришь?

— О том, дорогой друг, что твои гениальные инженеры срезали холм на Риге до скального основания, — усмехнулся Радов, выпуская струю дыма к потолку. — Вековые сибирские кедры, ради которых олигархи скупали участки по пятьсот миллионов за сотку, начали сохнуть и сбрасывать хвою целыми гектарами. Подпорные стены дали крен, склон плывет прямо в реликтовое озеро. Природоохранный комитет выкатил предписание о полной заморозке стройки. Если за месяц ты не спасешь реликтовые кедры и не восстановишь гидробаланс, у тебя отзовут лицензию на комплексную застройку.

Кирилл сжал зубы так, что челюсти свело судорогой.

— Это решается сменой подрядчика и усилением дренажных насосов.

— Не решается, — оскалился Феликс в хищной улыбке. — Три ведущих ландшафтных бюро столицы уже выезжали на объект и послали твоих прорабов подальше. Сказали, что исправить дренаж на таких уклонах без вырубki кедров невозможно. Единственный специалист в стране, который разработал уникальную технологию спасения корневой системы на плывунах — это та самая нахалка с набережной. Твоя драгоценная Инна Воропаева.

В ложе повисла тяжелая тишина. На лице Кирилла отразилась мучительная внутренняя борьба. Пойти на поклон к женщине, которая несколько часов назад публично унизила его перед рабочими, для его безграничной гордости было хуже пытки.

Феликс уловил его колебания, и в его глазах вспыхнул бешеный азартный блеск.

— Что, слабо, Воронов? — протянул он с откровенной издевкой. — Ты ведь привык, что бабы штабелями укладываются к твоим ногам за право прокатиться на твоей яхте. А эта девчонка тебя даже за мужчину не считает. Она скорее с голоду сдохнет в своем ботаническом саду, чем согласится спасти твою стройку.

— Я могу сломать ее за пять минут любым административным ресурсом, — ледяным тоном отозвался Кирилл.

— Спорим, что не сломаешь? — Феликс подался вперед, положив локти на стол. — Спорим на мой кастомный спортбайк Дукати. Тот самый, титановый, ручной сборки, за которым ты безуспешно охотился на миланском аукционе три года.

Кирилл замер. Ставка была невероятной. Этот единственный в мире спортбайк с форсированным мотором был его давней тайной страстью.

— Назови условия спора, — глухо произнес Воронов.

— Ровно тридцать дней, — раздельно проговорил Феликс, сверкая глазами. — За тридцать дней ты должен сломать ее упрямство. Заставить ее подписать контракт, притащить на Новую Ригу и заставить спасти твои кедровые деревья. Но главное — через месяц она должна признать твой авторитет, полностью подчиниться твоей воле и работать по твоим правилам. Влюбишь в себя — и приведешь под руку на бал ассоциации в последний день спора. Платье, улыбка, полное доверие. Вот тогда поверю, что укротил. Если ты проиграешь или сорвешься — отдаешь мне свой закрытый причал на водохранилище со всеми катерами. Если победишь — забираешь Дукати из моего гаража прямо с ключами. По рукам?

Кирилл смотрел на Феликса долгим, немигающим взглядом. Образ дерзкой девчонки с насмешливыми карими глазами и комком глины на ботинке стоял перед его внутренним взором как вызов всему его существованию.

Он вытащил из кармана телефон, нажал значок диктофона и положил аппарат на стол.

— Запись пошла, — произнес Кирилл абсолютно трезвым, жестким голосом. — Пари заключено. Срок — ровно тридцать дней. Кастомный спортбайк Дукати против причала на водохранилище. Через месяц эта строптивая девчонка будет беспрекословно выполнять любые мои распоряжения.

Инна

На следующее утро я проснулась в своей крошечной комнате при оранжевом свете рассвета.

Моим настоящим домом, убежищем и крепостью всегда оставалась старая историческая оранжерея в глубине Ботанического сада. Ее кованые чугунные своды викторианской работы вздымались ввысь на добрых пятнадцать метров, держа на себе сотни граненых стекол, подернутых зеленоватой патиной времени. Здесь время текло по своим особым, неторопливым законам живой природы.

Воздух в оранжерее был густым, влажным и пьянящим. Он пах мокрым верховым торфом, прелыми сосновыми иглами, терпкой смолой сибирских кедров и тонким ароматом цветущих диких лимонов. Вдоль широких проходов стояли массивные дубовые кадки с вековыми хвойными культурами, ящики со свежим мхом сфагнумом, штабеля глиняных горшков и аккуратные ряды черенков редчайших альпийских кустарников.

Я натянула свой привычный рабочий комбинезон из грубого серого льна, затянула на поясе широкий кожаный ремень с кобурой для секатора и садового ножа и подошла к длинному дубовому верстаку.

На шершавой столешнице лежали раскрытые альбомы с полевыми чертежами, электронный влагомер и латунный штангенциркуль.

Секатор привычно лег в ладонь, как продолжение моей собственной руки. Чик-чик — стальные кованые лезвия сошлись с чистым музыкальным звуком, аккуратно отсекая засохший побег на реликтовой карликовой сосне. Свежий срез мгновенно брызнул прозрачной капелькой густой янтарной смолы, наполнив воздух резким смолистым духом. Я закрыла глаза, глу-

боко вдохнула этот целительный аромат и почувствовала, как тяжелая тревога вчерашнего дня постепенно отпускает напряженные нервы.

Здесь, среди тишины и мерного шелеста влажных ветвей, мир жадных строительных магнатов с их бетонными башнями и вонючими экскаваторами казался далеким и ненастоящим.

Скрипнула тяжелая дубовая дверь в дальнем конце центральной галереи.

В проходе показался Михаил Семенович, старейший научный хранитель нашей оранжереи и мой первый наставник в профессии. Седой, сухопарый профессор в поношенном шерстяном кардигане с заплатами на локтях шел шаркающей неверной походкой. В руках он с трудом удерживал две жестяные кружки с горячим чаем из листьев смородины. Лицо старика было мертвенно-серым, губы мелко дрожали.

— Инночка, беда пришла, — тихо проговорил он, с глухим стуком опуская кружки на край верстака.

— Что случилось, Семеныч? — я отложила инструмент, мгновенно подобравшись всем телом.

— Вчера вечером привезли из департамента городского имущества предписание, — старик бессильно опустил на табурет, уронив голову на сцепленные узловатые пальцы. — Наш сектор закрывают. Все бюджетное финансирование и гранты на сохранение реликтовых культур приостановлены с сегодняшнего дня. Здание оранжереи признано аварийным по срочному предписанию инспекции строительного надзора. Нам дали ровно сорок восемь часов на освобождение площадей. Если не освободим — отключат центральное отопление и воду. Все наши коллекции, сибирские кедры, уникальный семенной фонд... все замерзнет при первых же заморозках!

Пол словно ушел у меня из-под ног. В глазах потемнело.

— Как аварийным? — хрипло выдохнула я, чувствуя, как ледяной спазм перехватывает горло. — Мы же только в прошлом месяце прошли полную инструментальную экспертизу несущих конструкций! Чугунный каркас простоит еще сто лет!

— Заключение отозвали по специальному запросу крупного инвестора соседнего участка, — глухо ответил старик, не поднимая глаз. — Землю под нашим парком передают под строительство многофункционального делового центра. Нас просто вычеркнули из реестра одним росчерком министерского пера.

Глава 4

Я сжала кулаки с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

В ушах набатом зазвучали ледяные слова Воронова, брошенные вчера на набережной — «Вы горько пожалеете об этом. Через сорок восемь часов эта помойка будет снесена до последнего куста. А ваша научная карьера в этом городе будет уничтожена под ноль. Обещаю вам это лично».

Он не бросал слов на ветер. Этот холеный монстр в кашемировом пальто методично приводил свой приговор в исполнение, намереваясь раздавить меня вместе с моим делом, моими деревьями и моими стариками.

В этот момент стеклянные двери центрального входа с тяжелым глухим стуком распахнулись. В теплую влажную оранжерею ворвался поток холодного октябрьского ветра, всколыхнув перистые кроны гигантских древовидных папоротников.

По узкой дорожке между дубовыми кадками с вековыми кедрами, четко и гулко чеканя каждый шаг по мозаичной метлахской плитке, шел Кирилл Воронов.

Он двигался сквозь зеленые джунгли оранжереи с невозмутимым спокойствием завоевателя, осматривающего покоренные владения.

На нем было новое темное полупальто из плотной итальянской шерсти, безупречная графитовая водолазка с высоким воротом и начищенные до блеска кожаные ботинки без единой пылинки. Его точеное лицо с острыми скулами казалось отлитым из холодного металла. В руке он нес массивную папку из матовой черной кожи с золотым тиснением корпоративного знака.

Михаил Семенович в ужасе вскочил с табурета, но я мягко положила руку на плечо наставника.

— Идите к себе в кабинет, Семеныч, — твердо произнесла я, не спуская глаз с незваного гостя. — Заварите свежего чая. Я сама поговорю с господином застройщиком.

Старик робко взглянул на меня, затем перевел испуганный взгляд на ледяную фигуру девелопера и торопливо скрылся за тяжелой брезентовой шторой служебного помещения.

Воронов остановился ровно в двух шагах от моего дубового верстака. Его цепкий, холодный взгляд мгновенно зафиксировал все детали моего рабочего пространства — ряды стеклянных колб с семенами, пучки сушеной мяты под потолком, испачканные землей перчатки и блестящий секатор на деревянной столешнице.

— У вас здесь на удивление сыро, Инна Андреевна. — Он провел пальцем по запотевшей папке и показал мне каплю, словно приобщал улику к делу. — Влажность превышает санитарные нормы на сорок процентов. Следы плесени на перекрытиях купола. Комиссия строительного надзора проявила исключительную заботу о вашей безопасности, признав это здание аварийным.

— Вы пришли сюда лично насладиться плодами своей подлости, Воронов? — я шагнула вперед, уперев руки в бока и глядя ему прямо в переносицу. — Ударить по беззащитным старикам и уничтожить уникальный ботанический фонд ради того, чтобы потешить свое уязвленное самолюбие из-за комка глины? Какая потрясающая смелость для владельца строительной монополии.

Тонкие губы Воронова тронула едва заметная усмешка.

— Мсть — слишком нерациональное и убыточное чувство, госпожа Воропаева. Я прагматик до мозга костей и принимаю решения исключительно на основе холодной выгоды. Вы вчера вели себя возмутительно, но продемонстрировали глубокие знания гидрогеологии оползневых склонов.

Он раскрыл кожаную папку, извлек из нее увесистый многостраничный документ с синими печатями и положил его на край верстака поверх моих полевых чертежей.

— Что это за бумажка? — сухо спросила я.

— Это проект срочного договора подряда на проведение комплексных противооползневых и фитопатологических работ, — невозмутимо ответил Кирилл. — Мой флагманский проект, закрытый клубный поселок Хвойная ривьера на Новой Риге, столкнулся с масштабным природным кризисом. Подрядчики нарушили баланс подземных горизонтов, срезав естественный холм у реликтового озера. Столетние сибирские кедры, составляющие главную ценность поселка, гибнут от корневого удушья. Главная видовая терраса дает осадку по три сантиметра в сутки.

Я невольно замерла, вслушиваясь в его слова. Профессиональный инстинкт мгновенно включился в работу, выстраивая в голове четкую пространственную модель аварии.

— Ваши строители перекрыли естественный водоток сплошной бетонной подпорной стеной, — констатировала я, забыв на мгновение о своей ненависти к этому человеку. — Сибирские кедры категорически не переносят застойного переувлажнения. Корневая шейка начинает загнивать за пару недель.

В серых глазах Воронова мелькнуло мгновенное уважение, которое он тут же замаскировал привычной надменностью.

— Именно так. Государственный надзор заморозил строительство до полного устранения угрозы экосистеме. Мне нужен лучший специалист в городе, способный стабилизировать склон и спасти деревья без демонтажа бетонных конструкций. Я предлагаю эту работу вам.

— Предлагаете? — я горько рассмеялась, глядя ему прямо в глаза. — Вы шантажируете меня гибелью оранжереи и вырубкой яблоневого сада на набережной!

— Я создаю деловые обстоятельства, при которых отказ становится коммерчески иррациональным. — Воронов развернул договор подписью ко мне и придержал угол, загнувшийся от сырости. — Условия просты и не подлежат обсуждению. Ровно тридцать календарных дней. Вы берете объект на Новой Риге под ежедневный надзор и берете под свой абсолютный контроль все земляные и дренажные работы. Если через тридцать дней деревья оживут, дренажная сеть заработает, а комиссия снимет претензии — я отзываю иск по аварийности этого здания, выделяю вашей лаборатории десять миллионов рублей целевого гранта и оформляю яблоневый сад на набережной как охраняемый историко-природный памятник за счет средств моего фонда.

Я смотрела на него, ощущая, как бешено колотится сердце. Ставки были запредельными. Десять миллионов рублей позволили бы полностью отреставрировать оранжерею и спасти все коллекции. А охранный статус для сада на набережной навсегда защитил бы столетние антоновки от строительных ковшей.

Я потянула договор к себе. Его палец еще секунду держал край, и мне пришлось взглянуть на него, прежде чем бумага оказалась у меня. Сначала прочитать мелкий шрифт. Весь, до последней сноски.

— А если я откажусь или не уложусь в тридцать дней? — прямо спросила я.

— Тогда оранжерея пойдет под бульдозер первого ноября, — отдельно произнес Воронов. — А сад на набережной спилят под корень на следующий день после истечения срока контракта. Никаких компромиссов.

Воздух между нами зазвенел от чудовищного напряжения. Он загнал меня в угол, расчетливо и хладнокровно. Отказаться сейчас означало предать старика Семеныча, предать любимые деревья и признать собственное поражение.

— Хорошо, господин девелопер, — я резко выпрямилась, заставив его чуть отстраниться. — Я принимаю ваш вызов. Но на моих встречах условиях. Первое — на объекте я обладаю абсолютной властью над всеми строителями, прорабами и инженерами. Мои указания по грунту и деревьям выполняются беспрекословно. Второе — дистанция вытянутой руки. Никаких барских замашек и попыток вмешиваться в мою личную жизнь. И третье — вы лично

будете присутствовать на всех полевых проверках почвы и гидрогеологических замерах. В резиновых сапогах и без своих белых манжет.

На лице Воронова на долю секунды отразился неподдельный шок. Мысль о том, что ему придется месить строительную жижу собственными ногами, явно не входила в его блестящий план укрощения строптивой специалистки.

Но отступить перед женщиной для него было немыслимо.

— Принято, — сухо бросил он, доставая тяжелую золотую ручку. — Подписывайте документы, госпожа Воропаева. Завтра ровно в семь утра моя машина заберет вас у ворот сада. Начинается ваш первый день.

На следующее утро тяжелые кованые ворота с электронным замком бесшумно разошлись в стороны, впуская наш автомобиль на территорию закрытого клубного поселка Хвойная ривьера.

Это был изолированный анклав для богатейших людей страны, расположенный в самом престижном уголке Новой Риги. Вся территория была обнесена четырехметровым монолитным забором из темного фактурного бетона, по гребню которого тянулись нити инфракрасных датчиков и поворотные камеры наблюдения.

Черный внедорожник Кирилла Воронова мягко покачивался на неровностях временного щебеночного проезда. Сам хозяин девелоперской империи сидел рядом со мной на заднем кожаном сиденье, демонстративно углубившись в чтение финансовых сводок на планшете. Он был одет в строгий темно-серый шерстяной блейзер, плотные темные джинсы без единого изъема и высокие кожаные ботинки для загородных прогулок, чья стоимость равнялась полугодовому окладу ведущего научного сотрудника.

Денис ехал впереди с водителем, прижимая к себе тубус с чертежами. Я сидела рядом с Вороновым в своем рабочем брезентовом ватнике, плотных непромокаемых брюках и надежных армейских берцах с глубоким протектором, бережно прижимая к коленям брезентовую сумку с геодезическими инструментами и реактивами.



Внедорожник плавно затормозил на гребне высокого естественного холма, полого спускавшегося к зеркальной глади лесного озера.

— Прибыли на объект, — лаконично бросил Воронов, блокируя экран планшета.

Мы вышли из теплого салона на пронизывающий подмосковный ветер.

Я окинула взглядом раскинувшуюся внизу панораму, и сердце сжалось от острой профессиональной боли.

То, что глянцево-буклетные Северного Монолита именovali гармонией бионической архитектуры и первозданной природы, в реальности являлось настоящим экологическим погромом.

Холм был буквально вспорот тяжелыми строительными машинами. Вековой лесной дерн с зарослями черничника, брусники и серебристого мха был варварски содран бульдозерами до голы, мертвой желтой глины. Повсюду высились гигантские кубические особняки из монолитного железобетона и зеркального тонированного стекла. Между ними зияли глубокие траншеи под подземные коммуникации, заполненные ржавой стоячей жижей.

Но страшнее всего выглядели реликтовые деревья.

На самом краю берегового обрыва чудом держалась куртина могучих сибирских кедров возрастом более двухсот лет. Их мощные стволы в два обхвата вздымались к свинцовому небу на тридцать метров, но густая прежде темная хвоя на нижних и средних ярусах порыжела и осыпалась сухими иглами. Корневые шейки лесных гигантов были засыпаны полутораметровым слоем строительного щебня и битого бетона, а прямо под их корнями строители возвели массивную подпорную стену толщиной в целый метр.

— Оцените масштаб бедствия, Инна Андреевна, — произнес подошедший Воронов, пряча руки в карманы блейзера и глядя на озеро. — Главная видовая терраса поселка. Стоимость особняков на этой линии превышает полмиллиарда рублей за лот. Клиенты покупали участки ради реликтового хвойного леса. А сегодня три кедра стоят полусухими, склон дает глубокие трещины вдоль фундаментов, и через неделю надзор грозит запретить даже восстановительные работы.

Я быстро подошла к краю террасы, опустилась на одно колено прямо в желтую глину и вонзила лезвие почвенного ножа в спрессованный пласт грунта.

Земля была ледяной, плотной, как резина, и пахла вовсе не хвоей. От нее веяло тухлой стоячей водой и тяжелым машинным маслом без малейшего намека на свежее лесное дыхание.

— Вы совершили классическое строительное преступление, господин девелопер, — глухо произнесла я, поднимаясь на ноги и отряхивая перчатки. — Ваши горе-проектанты перерезали бетоном естественные пути грунтовых вод. Вся вода, стекающая с верхней части плато, уперлась в эту глухую монолитную стену и превратила корнеобитаемый слой в гнилое болото. Корни кедров просто задохнулись без доступа кислорода. Они тонут в стоячей воде.

— Мне не нужны академические диагнозы, Воропаева, — резко оборвал он, нахмутив брови. — Мне нужны конкретные инженерные решения. Стену сносить нельзя, на ней завязана вся геометрия въездных пандусов.

— Если не пробить в этой стене аварийные перфорированные коллекторы и не отвести воду прямо сейчас, — мой голос зазвенел от ярости, — через двое суток эти вековые кедровые рухнут на вашу драгоценную геометрию вместе со всей террасой. И похоронят под собой ваши миллионные особняки.

Глава 5

В этот момент серое небо над нашими головами окончательно разорвалось, и на холм обрушился яростный, ледяной октябрьский ливень.



Тяжелые струи ледяной воды хлестнули по лицу с такой силой, что видимость мгновенно сократилась до десятка шагов. Порывистый ветер с озера с глухим стоном закрутил вершины кедров, раскачивая их многотонные кроны.

В ту же секунду снизу, со стороны бетонной подпорной стены, раздался скрежещущий треск.

Земля под нашими подошвами ощутимо вздрогнула и просела. Вдоль верхней бровки насыпи мгновенно раскрылась извилистая щель шириной в ладонь, из которой под давлением забил мутный пенистый фонтан грунтовой воды.

— Оползень! — истошно закричал дежурный прораб снизу, бросаясь наутек в сторону бетонного проезда. — Плывун пошел! Спасайтесь, кто может!

Я даже не подумала отступить.

Прямо перед нами, у основания старейшего кедра, грунт начал уходить вниз целыми пластами. Мощные узловатые корни обнажились, удерживая гигантское дерево над обрывом лишь чудом. Бурный поток воды устремился в открытую строительную траншею, где лежала наполовину засыпанная гравием дренажная труба. Ее выходное отверстие было наглухо забито обвалившимся куском глины и порванными мешками с цементом.

Если вода сейчас заполнит котлован, разжиженный грунт окончательно потеряет несущую способность, и двухсотлетний кедр с корнем вывернет прямо на фундаментную плиту недостроенного особняка.

— Денис, лопату и трос сюда! — закричала я сквозь рев ливня, срывая с плеч намокший ватник и оставаясь в одном свитере крупной вязки.

Не раздумывая ни секунды, я соскользнула по осклизлому глинистому откосу прямо на дно полутораметровой траншеи.

Ноги мгновенно увязли в ледяной жиже выше щиколоток. Мутная вода заливала голенища берцов, холод обжигал кожу, но я уже лихорадочно выгребала руками тяжелые липкие комья суглинка, пытаюсь освободить забитое жерло трубы. Пальцы сводило судорогой, обрывки пластиковых мешков врезались в кожу, но засор сидел намертво под давлением обвалившейся плиты.

Сверху послышался угрожающий треск рвущихся древесных волокон. Старый кедр опасно накренился, и на меня с верхнего уступа пополз тяжелый пласт полужидкой земли.

— Инна, назад! — раздался сверху яростный, сорванный крик.

Я вскинула голову и замерла от неожиданности.

Кирилл Воронов, швырнув свой дорогой дизайнерский блейзер прямо в грязную лужу, одним длинным отчаянным прыжком преодолел край обрыва и с тяжелым всплеском приземлился на дно траншеи рядом со мной.

Его светлая рубашка мгновенно промокла насквозь, облепив широкие плечи и рельефный торс. Темные волосы прядями прилипли ко лбу. Дорогие кожаные ботинки намертво засосало в серую глинистую жижу, а на резкой скуле темнела жирная полоса налипшей грязи.

Он скользнул взглядом по краю траншеи, увидел ползущую трещину и оттеснил меня от нее плечом. Под его ботинками уже вздувалась вода.

— Какого черта ты стоишь? — прорычал он, перекрывая шум воды и хватаясь голыми руками за скользкий край тяжелой асбестоцементной плиты, намертво перекрывшей коллектор. — Держи с другой стороны, живо!

Мы навалились на плиту одновременно.

Наши тела оказались плотно прижаты друг к другу в узком пространстве глиняной ямы. Я чувствовала через мокрую ткань свитера мощный жар его мускулов, слышала его прерывистое горячее дыхание прямо у своего виска. От него пахло дорогим парфюмом, дождевой водой, раскаленной кожей и горькой сосновой хвоей.

— На счет три! — скомандовала я, упираясь берцами в скользкое дно и намертво вцепляясь пальцами в шершавый край камня. — Взяли!

Мы рванули эту чудовищную массу из последних сил. Спину обожгло острой болью, жилы на шее Воронова вздулись тугими канатами. В самый тяжелый момент его мокрые пальцы соскользнули к моим на краю плиты. Мы перехватились, уперлись плечами друг в друга и рванули снова. От этого отчаянного прикосновения сквозь холодную воду меня словно прошило электрическим разрядом от кончиков пальцев до самого сердца.

Плита со скрежетом стронулась с места и с глухим всплеском завалилась набок.

Освобожденный водосток жадно захлебнулся. Скопившаяся вода с ревом и водоворотами хлынула в открытое жерло коллектора, унося с собой тонны жидкой грязи и мусора. Уровень воды в траншее начал стремительно падать на глазах.

Тяжелый пласт земли на откосе осел, но якорные корни кедров выдержали нагрузку, крепко удерживая ствол на каменном уступе. Сползание остановилось. Денис уже бросал нам сверху трос, а за его спиной рабочие несли распорки: передышку нужно было использовать.

Мы стояли на дне траншеи, по щиколотку в оседающей глине, тяжело хватая ртом холодный воздух. Ливень начал быстро стихать, сменяясь мелкой серой моросью.

Кирилл медленно опустил руки. Его грудь тяжело вздымалась. Он посмотрел на свои ладони, сплошь покрытые бурой грязью и мелкими ссадинами, затем перевел взгляд на свои безнадежно испорченные ботинки и, наконец, поднял глаза на меня.

В моих волосах запутались сосновые иглы, лицо было вымазано илом, но я смотрела на него с нескрываемым ликованием.

На холеном лице девелопера вдруг дрогнули уголки губ. Сначала появилась кривая недоверчивая усмешка, но через мгновение Воронов запрокинул голову и искренне, хрипло рассмеялся прямо в осеннее небо.

Я не выдержала и рассмеялась следом за ним.

Мы стояли посреди самого дорогого коттеджного поселка страны — растрепанная ландшафтица и вымокший до нитки миллиардер — и этот общий смех смыл между нами больше высокомерия, чем любые дипломатические переговоры.

К шести часам вечера плотная пелена туч окончательно рассеялась, открыв над Новой Ригой высокое, ледяное небо цвета бледной бирюзы.

Воздух стал кристально чистым, прозрачным и пах мокрой сосновой корой, влажной хвоей и далеким дымком костров.

Вода из аварийной траншеи ушла полностью. Прибывшая по моему вызову аварийная бригада укрепила нижний ярус откоса тяжелым дорнитом, засыпала обнажившиеся корни вековых кедров трехслойной подушкой из торфа и крупного мытого песка и установила временные дубовые раскосы. Могучий двухсотлетний кедр, удерживаемый раскосами, стоял неподвижно, расправив свою темную величавую крону над тихой гладью лесного озера.

Я стояла у распахнутого багажника внедорожника уже в сухой запасной куртке и протирала промасленной ветошью лезвия секатора. Поднимала взгляд к кедру, снова проводила тканью по стали. Дерево держалось. Хотелось проверить это еще раз, просто посмотреть — и улыбнуться.

Мягкие шаги по мокрому гравию заставили меня повернуться.

Кирилл Воронов успел переодеться в сухой комплект одежды, оперативно доставленный его водителем. Простой черный кашемировый джемпер с высоким горлом, темные хлопковые брюки и чистые замшевые туфли. Без своего безупречного пальто и надменных манер он казался неожиданно настоящим, сильным и опасным мужчиной. Темные мокрые волосы были небрежно зачесаны назад, а на скуле темнела узкая свежая ссадина от соснового сучка.

В руках он нес два больших картонных стакана с горячим кофе, купленным на выезде с шоссе.

— Держите, Воропаева, — произнес он, протягивая мне дымящийся стакан. — Двойной черный без сахара. Все как положено.

Я с легким недоумением приняла обжигающий стаканчик, грея замерзшие пальцы.

— Откуда такие познания о моих вкусах?

— Я всегда досконально изучаю досье тех, с кем подписываю контракты на миллионы рублей, — в его низком баритоне снова зазвучала привычная сдержанность, но взгляд серых глаз оставался непривычно глубоким и пристальным. — Вы сегодня совершили невозможное. Инженеры признали, что без вашего дренажного маневра терраса сползла бы в озеро до захода солнца.

— Я спасала не вашу террасу, господин девелопер, — я сделала глоток обжигающего горького напитка, глядя на темную воду. — Я спасала двухсотлетние кедры, которые росли здесь задолго до того, как вы решили построить свои бетонные коробки.

Воронов тихо усмехнулся, прислонившись бедром к полированному крылу внедорожника.

— Какая нестигаемая принципиальность. Даже после того, как мы вместе выгребали глину со дна канавы.

— Совместное купание в строительной грязи не отменяет условий нашего договора, — твердо произнесла я, делая шаг назад и очерчивая носком ботинка четкую границу на влажном гравии. — Дистанция вытянутой руки. Завтра ровно в восемь утра начнется укладка глубоких дренажных труб по всей береговой линии. Бригаде я оставила разметку. А вы приедете к

шести пятнадцати в оранжерею: сначала научитесь держать лопату на нашем учебном участке. К вечеру проверим сводку с Риги, Кирилл Андреевич.

Воронов опустил глаза на проведенную черту, затем медленно поднял взгляд к моему лицу. В наступающих сумерках в глубине его зрачков блеснуло что-то такое жаркое и острое, от чего у меня перехватило дыхание, а сердце предательски пропустило удар.

— Я буду у вас в шесть пятнадцать, Инна, — негромко произнес он, и мое имя прозвучало в его устах без малейшей насмешки, весоמו и бархатно. — Первый день из тридцати остался за вами. Посмотрим, хватит ли у вас сил выдержать остальные двадцать девять.

Он повернулся и сел в салон автомобиля. Дверь захлопнулась с глухим породистым звуком, мощные фары внедорожника разрезали ступившуюся тьму ярким холодным лучом, осветив темные кроны спасенных кедров, и машина плавно покатила в сторону КПП.

Я стояла в тишине опускающегося вечера, слушая удаляющийся рокот мощного двигателя, и смотрела на первые звезды над сосновым бором.

Я закрыла секатор на защелку и убрала его в карман.

Я еще не знала, что в этот самый миг на моем рабочем столе в оранжерее лежало отозванное распоряжение о сносе здания. И я даже представить себе не могла, что в закрытом боксе элитного клуба на Патриарших уже ждал своего часа красно-черный кастомный спортбайк Дукати, а безжалостный таймер циничного мужского пари только что отсчитал свои первые сутки.

Глава 6

Шесть часов утра в старой оранжерее Ботанического сада пахли мокрым торфом, прелой хвоей сибирских кедров и студеной колодезной сыростью. Сводчатые стеклянные рамы еще хранили ночной сизый сумрак. С железных переплетов купола мерно, с сухим стеклянным стуком срывались тяжелые капли конденсата, разбиваясь о замшелые гранитные плиты дорожки.

Я стояла у длинного верстака в инструментальном отсеке, методично проверяя черенки штыковых лопат. На мне были привычные выцветшие рабочие брюки из грубого хлопка со следами прошлогодней грунтовки на коленях, застиранная фланелевая рубашка и брезентовый фартук, пропахший березовым дегтем и медным купоросом. Волосы я стянула в тугий узел на затылке, закрепив его старой деревянной шпилькой.



После вчерашнего спасения кедра я спала от силы часа четыре. В ушах до сих пор стоял рев воды, перед глазами — грязная щека Кирилла и его растерянный смех на дне траншеи. Еще позавчера он думал купить меня одним росчерком золотого пера. Сегодня должен был держать обещание.

В договоре стоял мой пункт о личном участии инвестора в полевых проверках. Я собиралась показать ему водоотвод в учебном секторе сада: похожий грунт, те же корни, зато за нашей спиной не висел аварийный кедр. На Риге по моей разметке работала бригада, Денис передавал ей замеры. Воронов получил собственные сорок метров канавы и наставника, которого недавно грозился лишить профессии.

Ровно в шесть пятнадцать тяжелая кованая калитка со стороны служебного въезда жалобно взвизгнула несмазанными петлями.

По гравийной дорожке раздались размеренные, четкие шаги. Никакой спешки, идеальная осанка человека, привыкшего входить в залы заседаний совета директоров под заискивающее молчание подчиненных.

Я медленно разогнула спину, держа в руках увесистую лопату из закаленной рельсовой стали, и повернулась к выходу.

Картина стоила каждого потраченного нерва.

В проеме оранжереи, среди пышных кустов папоротника и влажных ветвей карликового можжевельника, стоял Кирилл.

Он выглядел так, будто ошибся дверью между миланским подиумом и закрытым клубом на Патриарших. Белоснежные дизайнерские кроссовки из перфорированной телячьей кожи сияли первозданной чистотой, на которой не посмела бы осесть ни единая пылинка. Темно-графитовые зауженные брюки безукоризненного кроя ниспадали тонкими складками. Тончайший кашемировый бомбер цвета мокрого асфальта облегал широкие плечи. На левом запястье холодно поблескивал массивный хронограф из матовой платины, а в правой руке он небрежно держал новейший смартфон в титановом корпусе.

— Доброе утро, Инна Андреевна, — произнес он своим низким, глубоким баритоном. Он посмотрел на часы поверх моей лопаты; я передвинула ее так, чтобы черенок перекрыл ему циферблат. — Ваш сторож на шлагбауме пытался требовать пропуск, но пара купюр вернула ему способность мыслить логически. Надеюсь, вы подготовили актуальный график инженерных изысканий? У меня ровно сорок минут до первого селекторного совещания с Дубаем. Я намерен осмотреть периметр, зафиксировать ключевые точки будущей застройки и передать вам уточненную смету.

Я оперлась ладонями о черенок лопаты и смерила его долгим, немигающим взглядом.

— Сорок минут? — переспросила я, позволив себе легкую усмешку. — Селекторное совещание? Кажется, вы вчера слишком быстро выпили кофе и забыли о нашем разговоре у машины. Пункт четыре соглашения. Личное участие.

Кирилл слегка приподнял идеальную правую бровь.

— Я привык управлять процессами на стратегическом уровне. Цифровой контроль, спутниковое позиционирование и еженедельный отчет технического надзора. Лопата в двадцать первом веке нужна лишь тем, кто не умеет оптимизировать трудовые ресурсы.

— Какая глубокая мысль, — кивнула я, отлипая от верстака и делая шаг к нему. — Только вот земля плевать хотела на ваши спутники и оптимизацию. Здесь вековой суглинок, плывун на глубине двух метров и корневая система реликтовых кедров, которую ваш бетонный проект грозит превратить в братскую могилу. Шаг первый, господин девелопер. Сдавайте гаджет.

Я протянула вперед раскрытую ладонь.

Кирилл замер. В его темных глазах промелькнуло искреннее изумление, словно я потребовала от него снять скальп.

— Повторите?

— Телефон. Сюда. Быстро, — повторила я твердо. — Никаких звонков, никаких совещаний с Дубаем и никаких кураторов. Пока работаете лопатой, обе руки заняты. До перерыва ваш холдинг побудет с заместителем. А связь с бригадой будет через меня.

— Вы превышаете полномочия, — в его голосе зазвенели стальные нотки. — Этот аппарат обеспечивает непрерывность управления холдингом с капитализацией в десятки миллиардов. Я не позволю...

— Либо вы кладете трубку на мою ладонь, либо прямо сейчас разворачиваетесь на своих белых подошвах и катитесь обратно в высотку, — отрезала я, глядя ему прямо в переносицу. — А я звоню городскому инспектору по охране памятников природы, аннулирую соглашение и публикую протокол отказа от полевого надзора в прессе. Пусть весь ваш клуб знает, что великий застройщик испугался первого же рабочего утра.

На скулах Кирилла вздулись тугие желваки. Я видела, как бешено забилась жилка на его шее под воротником кашемирового бомбера. Самолюбие мужчины, привыкшего ломать

чужие судьбы щелчком пальцев, взвыло от ярости. Он оглянулся на дверь. Я убрала протянутую ладонь — и тут он шагнул ко мне, словно я уже успела объявить его капитуляцию.

С глухим стуком тонкий титановый корпус лег на мою мозолистую ладонь.

— Если на корпусе появится хоть царапина, вы не расплатитесь до пенсии, — процедил он сквозь зубы.

— Переживу, — хладнокровно бросила я.

Подойдя к высокому стеллажу, я сняла пыльную круглую жестянку из-под монпансье, в которой обычно хранила медные гвозди и запасные пружины для секаторов. Высыпав мелочь в ящик и выставив дно чистой ветошью, я опустила драгоценный телефон внутрь, с грохотом захлопнула жестяную крышку и водрузила банку на самую верхнюю полку под паутину стропил.

Лицо Кирилла вытянулось. Он смотрел на банку с таким ужасом, будто я замуровала в кирпичную стену его живое сердце.

— Шаг второй, — объявила я, распахивая дощатую дверцу шкафа в углу. — Переодевание.

На верстак перед остолбенелым миллиардером с глухим шлепком упал форменный комплект нашего штатного тракториста дяди Миши, уехавшего на две недели в санаторий лечить радикулит.

Брезентовая куртка неопределенного серо-зеленого цвета с массивными металлическими пуговицами, протертыми рукавами и стойким ароматом солярки. Такие же монументальные штаны из кондовой парусины на широких резиновых помочах.

Финальным аккордом стали зеленые резиновые сапоги. Мощные, литые, сорок пятого размера, с грязевым протектором толщиной в три пальца и голенищами, способными выдерживать прямой укус гадюки.

Кирилл отступил на шаг назад. Его ноздри дрогнули.

— Что это за ветошь?

— Это ваша рабочая форма, — сладко улыбнулась я. — За ширмой крючок. На переодевание ровно три минуты. Ваши белоснежные тапочки и кашемир можете сложить в картонную коробку из-под рассады петуний.

— Я останусь в своей одежде, — отчеканил он с ледяной надменностью. — Мои вещи функциональны, удобны и...

— Ваши вещи промокнут через пять минут после выхода на нижний склон, — перебила я. — А через десять превратятся в мокрую половую тряпку. В этом парке работают по правилам ботаников, а не по законам светской хроники. Либо брезент и сапоги, либо выход там. Время пошло.

Секунд десять он сверлил меня тяжелым взглядом.

Затем он сгреб охапку парусины, подхватил зеленые сапоги и скрылся за дощатой перегородкой.

Из-за ширмы донеслось шуршание кашемира, щелчок пряжки и отборное ругательство, произнесенное шепотом, но с такой экспрессией, что дремавший на стропилах ворон встрепнулся и каркнул.

Когда Кирилл вышел наружу, мне потребовалось напрячь каждую мышцу лица, чтобы не расхохотаться до колик в животе.

Брезентовая куртка висела на нем просторным колоколом, хотя в плечах села почти впору благодаря его широкому развороту. Парусиновые штаны собрались гармошкой над голенищами гигантских сапог. Сами сапоги при каждом шаге издавали сочный чавкающий звук, будто под подошвами вздыхало древнее торфяное болото.

Но поразительнее всего было то, что даже в этой убогой рабочей робе он ухитрился выглядеть вызывающе породисто. Разворот плеч, прямая спина, надменный изгиб бровей и

холодная ярость в темных зрачках превращали наряд тракториста в подобие средневекового боевого доспеха.

— Довольны? — глухо спросил он, скрестив руки на широкой груди.

— Почти идеально, — оценила я, протягивая ему вторую лопату. — Не хватает только пары штрихов, но земля это быстро исправит. Берите инструмент. Наш путь лежит к южному склону, к вековым кедром.

Мы вышли из теплого стекла оранжереи под серое, низкое утреннее небо.

Воздух был промозглым, колючим, пропитанным близким дождем. Туман клочьями полз между замшелыми стволами старых лип и дубов. Под ногами захрустел мокрый гравий, быстро сменившийся раскисшей землей тропинки.

Кирилл шагал позади меня. С непривычки его походка казалась деревянной. Тяжелая резина сапог тянула вниз, негнущаяся подошва шлепала по влажной траве, но он упрямо держал темп, не отставая ни на полшага.

— В чем конкретно заключается производственная задача? — Он потянул воротник, натертый непривычным брезентом, и посмотрел на мою лопату. — Если мы строим дренаж, разумнее подогнать компактный экскаватор на резиновом ходу. Он выполнит объем за два часа.

— Экскаватор своим весом утрамбует верхний слой почвы так, что капиллярный обмен прекратится на три года, — терпеливо, как безнадежно отстающему школьнику, объяснила я. — А главное, его ковш перерубит скелетные корни кедров. Корневая система сосны сибирской залегает в верхних сорока сантиметрах. Повредите ее, и через год тридцатиметровые великаны засохнут от вершинной гнили. Поэтому копать будем вручную. Строго по разметке, огибая каждый крупный корень.

Мы спустились в низину, где под кронами темно-зеленых мохнатых кедров раскинулась широкая поляна. Здесь земля была особенно тяжелой. Вода, стекавшая с верхних террас после ночных заморозков и недавних ливней, образовала стоячее болото. Ноги вязли, черная жижа с чмоканьем облепляла резину сапог.

Вдоль будущей водоотводной линии я уже натянула белый капроновый шнур на деревянных кольешках.

— Ширина траншеи сорок сантиметров, глубина полметра, — я вонзила острие своей лопаты в дерн. — Стенки делаем с легким уклоном, дно трамбуем с понижением в сторону пруда на два сантиметра на каждый погонный метр. Смотрите на меня и учитесь.

Я привычным, отточенным за годы практики движением наступила каблуком на закраину заступа, перенесла вес тела, плавно качнула черенок и вывернула тяжелый, блестящий пласт черного суглинка, аккуратно отбросив его на брезентовое полотно сбоку.

— Все понятно? — я вытерла рукавом каплю пота с кончика носа. — Главное правило, берегите спину. Толкайте ногой, работайте бедрами, руки держите прямыми. Если будете рвать грунт одной поясницей, к полудню не разогнетесь.

Кирилл молча окинул взглядом натянутый шнур длиной метров в сорок. На его лице отразился мгновенный математический расчет объема кубических метров.

— Восемь кубометров мокрой глины, — сухо констатировал он. — Вручную.

— Именно. Добро пожаловать в реальный мир, господин создатель бетонных коробок.

Глава 7

Он подошел к шнуру, встал над дерном и вогнал лопату в землю.

Вернее, попытался вогнать.

Он ударил по заступу носком сапога, не попав каблуком на металлическую полку. Нога соскользнула, резина скрипнула, а лезвие лопаты лишь оцарапало плотный ковер травы, отскочив в сторону.

— Ногу ставьте центром стопы, — не удержалась я от язвительного комментария. — Это не педаль вашего спортивного автомобиля, здесь нужно усилие, а не щегольство.

Кирилл сжал зубы так, что на щеках обозначились острые грани. Он переставил ногу, навалился всем своим весом, и стальное полотно с глухим хрустом разрежало дерн. Он рванул черенок на себя, используя лишь силу мускулистых рук и плеч.

Пласт глины оторвался от монолита с влажным чавканьем. Кирилл взмахнул лопатой, пытаясь отшвырнуть грунт подальше, но мокрый суглинок намертво прилип к металлу. Не удержав равновесие на скользкой траве, девелопер неловко качнулся, лопата дернулась, и жирный шмоток рыжеватой грязи смачно шлепнулся прямо на его брезентовое плечо, а пара капель отлетела на гладко выбритый подбородок.



Я замерла, ожидая взрыва. Олигарх, испачканный навозом и глиной на глазах женщины, должен был либо прийти в ярость, либо демонстративно бросить инструмент.

Кирилл медленно опустил лопату. Он поднял руку в грубой парусиновой рукавице, стер грязь с подбородка, размазав рыжий след по щеке, и посмотрел на меня.

В его глазах не было растерянности. Там пылало чистое, яростное упрямство бойца, которому только что нанесли первый неожиданный удар на ринге.

— Ошибка в балансировке. — Он вбил лопату в дерн и отступил, освобождая мне место у шнура. — Повторите показ движения. Медленнее.

Я моргнула, немного сбита с толку его реакцией.

— Смотрите, — я снова вогнала лезвие в грунт. — Наступаете. Нажимаете весом тела. Не рвите руками. Черенок как рычаг. Раз, и земля сама идет вверх. Страхивайте коротким движением кисти вбок.

Кирилл внимательно следил за каждым моим движением. Его цепкий, аналитический ум моментально раскладывал физическое действие на составляющие векторы силы.

Он шагнул вперед, поставил сапог на заступ. Удар. Хруст корней. Нажим. Выворот пласта. Короткий кистевой сброс.

Глиняный ком аккуратно лег рядом с моим.

— Так лучше? — бросил он, даже не взглянув на меня.

— Сойдет для стажера первого дня, — хмыкнула я. — Теперь повторите еще двести раз до того старого дуба.

И работа началась.

Первые полчаса мы копали в абсолютном молчании. Слышны были только мерные удары стали о плотную землю, тяжелое дыхание и шелест верхушек кедров на ветру.

Я старалась не смотреть на Кирилла, сосредоточившись на своем участке, но боковое зрение предательски фиксировало каждую деталь.

Он работал остервенело. Он не умел делать что-то наполовину. Если уж его заставили копать канаву, он собирался выкопать самую идеальную канаву в истории ландшафтного строительства. Стенки его траншеи получались пугающе ровными, будто он выверял их по лазерному нивелиру. Он сбрасывал грунт на строго одинаковое расстояние от края, методично очищая лезвие от налипшей глины деревянной щепкой.

Однако живой физический труд не прощает спеси и не терпит отсутствия закалки.

Минут через сорок его дыхание стало прерывистым, хриплым. Брезентовая куртка на спине потемнела от пота. Он растегнул верхние пуговицы, обнажив крепкую шею, по которой струились блестящие капли.

Его руки, привыкшие перелистывать проектную документацию, держать руль спорткара и сжимать бокал коллекционного вина, начали сдавать. Рукавицы дяди Миши оказались слишком грубыми, и Кирилл в какой-то момент сорвал их, отбросив на траву.

Это была роковая ошибка любого новичка.

Деревянный черенок, намокший от сырости и мелкого дождя, превратился в безжалостный наждак. На его ладонях, у основания пальцев, кожа стремительно наливалась водянистыми белесыми пузырями. Тонкая, ухоженная кожа педанта не имела мозольного панциря. Каждый новый нажим лопаты вдавливал влажное дерево прямо в эти вздувающиеся волдыри.

Я заметила, как он на секунду замер, крепко зажмурившись, когда один из пузырей у основания указательного пальца лопнул, оставив кровавую ссадину. Его пальцы судорожно дрогнули, но он не издал ни звука. Сделав глубокий вдох, Кирилл перехватил черенок крепче и снова вогнал штык в глину.

Мое сердце странно екнуло.

Внутри боролись два чувства. Злорадное торжество человека труда над заносчивым богачом, и внезапное, обжигающее восхищение его железной несгибаемой гордостью. Другой на его месте уже устроил бы истерику, вытащил чековую книжку или вызвал вертолет скорой помощи. Этот продолжал рубить суглинок, стиснув челюсти так, что у уха ходил желвак.

— Сделайте перерыв, Кирилл, — негромко сказала я, опуская свою лопату. — Для первого раза достаточно. Вы сотрете руки до мяса.

Он даже не повернул головы. Его лопата со свистом вошла в грунт, выворачивая очередной пласт.

— Я не просил поблажек, Инна Андреевна, — глухо отозвался он. Голос звучал надтреснуто от одышки, но сталь в нем не погнулась. — Вы обозначили рубеж до дуба. Я привык выполнять взятые обязательства в полном объеме.

— Да бросьте вы этот дурацкий пафос, — рассердилась я, подходя ближе и бесцеремонно хватая его за черенок лопаты. — Посмотрите на свои ладони. Вы же завтра даже дверную ручку повернуть не сможете. Земля не терпит штурмовщины. Здесь нужен ритм, а не бессмысленное геройство.

Наши взгляды скрестились.

Он стоял на дне полуметровой канавы, тяжело дыша, весь покрытый рыжими каплями глины. Прядь мокрых темных волос прилипла ко лбу. На волевой щеке темнел грязный мазок. И при всем этом в его взгляде горело такое бешеное, первобытное мужское упрямство, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Вы боитесь, что я сдамся раньше времени? — хрипло спросил он, не отпуская черенок. Наши пальцы случайно соприкоснулись на холодном дереве. Его ладонь была обжигающе горячей, сухой и шершавой от свежих ссадин.

От этого мимолетного тепла по моей руке пробежала отчетливая электрическая волна, отдавшись мелкой дрожью под ребрами.

— Я боюсь, что мне придется оказывать вам первую помощь, вместо того чтобы спасти корни деревьев, — быстро соврала я, отдергивая руку, словно обожглась о раскаленное железо. — Хватит строить из себя былинного богатыря. Выпейте воды.

Я достала из рюкзака стальную флягу с колодезной водой и протянула ему.

Кирилл посмотрел на флягу, потом на свои перепачканные ладони. Помедлив секунду, он принял ее, отвинтил крышку и сделал несколько жадных, глубоких глотков. Капли прозрачной воды покатались по его подбородку, смывая грязь и стекая на брезентовый воротник.

— Спасибо, — произнес он тише, возвращая флягу.

— Не за что, — пробормотала я, пряча глаза. — У нас впереди еще половина траншеи. А небо, между прочим, затягивает всерьез. Если начнется ливень, весь наш труд смоем к чертовой матери.

Кирилл поднял глаза к набухшим свинцом тучам, низко нависшим над макушками вековых кедров. Первый тяжелый холодный шлепок дождевой капли упал прямо ему на лоб.

— Тогда не будем терять времени, — сказал он, снова берясь за лопату.

Ливень обрушился на парк внезапно, словно кто-то наверху с размаху распорол свинцовое брюхо тучи ржавым секатором.

Сначала по сухим иглам кедров забарабанили редкие, тяжелые капли размером с мелкую монету. Но уже через минуту серый водяной занавес накрыл поляну сплошным гудящим потоком. Небо исчезло, растворившись в холодной водяной взвеси. Ветер рванул верхушки вековых сосен, заставив их жалобно стонать и гнуться под яростными порывами.

Вода хлынула по склону широкими мутными ручьями, мгновенно размывая свежие отвалы нашей недокопанной траншеи.

К полудню мы добрались до последнего отрезка.

— Назад! К оранжерее! — крикнула я сквозь шум дождя, прикрывая глаза мокрой ладонью. — В такую грозу копать бесполезно, глину просто снесет!

Кирилл стоял на дне канавы, выпрямившись во весь рост. Струи воды стекали по его лицу, затекая за воротник брезентовой куртки, но он даже не вздрогнул. Он лишь отбросил мокрую лопату и легко выпрыгнул на раскисшую бровку, тяжело шлепнув зелеными резиновыми подошвами о чавкающий дерн.

— Что с уровнем грунтовых вод? — громко спросил он, перекрывая гул стихии. Его взгляд мгновенно оценил направление потоков. Инженерный склад ума работал безотказно даже под проливным дождем. — Если дренаж переполнен, вода пойдет в нижнюю чашу.

Я похолодела. Мое сердце пропустило глухой, панический удар.
Нижняя чаша. Старый пруд.

Там, на самом краю глинистого мыса, склонившись над темной водой, росла гордость нашего ботанического сектора. Реликтовая плакучая ива, посаженная еще в конце девятнадцатого века основателями университетского сада. Ее огромный, потрескавшийся ствол в три обхвата держался на мощном, но сильно подмытом корневом холме. Если верхний ливневый сток прорвет старую земляную перемычку у ручья, тонны ледяной жижи рухнут прямо на обнаженные корни. Дерево просто вывернет с корнем и утащит в разлившуюся воронку омута.

— Ива! — сорвалось с моих губ в отчаянном вопле.

Я не стала ничего объяснять. Подхватив полы мокрого фартука, я бросилась бежать вниз по раскисшей тропе, скользя и оступаясь на осклизлых корнях. Грязь фонтаном летела из-под моих сапог. Ветви хлестали по лицу, холодная вода заливала глаза, дыхание с хрипом вырывалось из горящих легких.

Позади послышался тяжелый, размеренный топот. Кирилл не задавал глупых вопросов. Он просто бежал следом, сокращая дистанцию с каждым шагом благодаря длинным тренированным ногам.

Когда мы выскочили на берег пруда, худшие опасения подтвердились с леденящей душу очевидностью.

Старая насыпь выше по течению не выдержала напора. Мутный, яростный поток дождевых вод с ревом промыл глубокий овраг в глине и теперь сплошным водопадом хлестал прямо под основание векового дерева. Земля у комля ивы пузырилась, разжижаясь на глазах. Огромные узловатые корни, похожие на сплетение серых морских канатов, уже висели в пустоте над бурлящей бурой жижей.

Ствол великана вздрогнул. Тонкие свисающие ветви метнулись над водой, словно руки утопающего. Раздался зловещий, утробный хруст рвущейся древесины. Еще десять, максимум пятнадцать минут, и береговой пласт обрушится, увлекая столетнее сокровище на дно омута.

— Нет! Только не ты! — крикнула я в пустоту, срывая голос.

Бессилие обожгло горло слезами. Что я могла сделать в одиночку против бешеного напора стихии? Здесь требовалась бригада с тяжелой техникой, бетонные блоки, лебедки. А у меня были только две руки и старая лопата.

Внезапно сильные пальцы жестко сжали мое плечо сквозь мокрую фланель рубашки. Хватка была настолько мощной и уверенной, что паническая дрожь в моих коленях мгновенно утихла.

— Прекратить панику, — раздался над самым ухом ледяной, предельно собранный голос Кирилла. Я посмотрела туда, куда он указывал: до навеса было всего несколько шагов. Мы еще могли успеть. — Оценивайте обстановку, архитектор. Что нужно сделать, чтобы удержать ком?

Я сглотнула комок в горле, судорожно втягивая носом воздух, пахнувший озоном, илом и мокрой корой.

— Нужно отвести поток в старое русло сброса! — закричала я, показывая рукой на заваленную камнями канаву метрах в пяти правее. — И укрепить подмытый берег мешками с гравием и дубовыми кольями! Вон там, под навесом хозблока, сложен запас щебня и колья для берегоукрепления! Но мы не успеем, они неподъемные!

Глава 8

— Успеем, — коротко отрезал Кирилл.

Он не стал раздумывать ни секунды. Развернувшись, он бросился к дощатому навесу. Я видела, как он подхватил первый пятидесятикилограммовый плетеный мешок с гравием, легко закинул его на свое широкое плечо и, глубоко вязнув сапогами в жиже, потащил к обрыву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.